

УДК 316

ПОКОЛЕНИЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОБЩНОСТЬ

© 2011 г.

Л.Ю. Пушина

Ивановская государственная текстильная академия

Bas2808@yandex.ru

Поступила в редакцию 3.06.2011

Выявляется различие между понятиями «поколение» и «возрастная группа», вскрывается специфика поколения как социокультурной общности, поколение предстает как мезоуровневый социальный феномен.

Ключевые слова: поколение, возрастная группа.

В настоящее время термин «поколение» применяется практически во всех науках, занимающихся изучением общества. При этом единое определение данного понятия отсутствует, т.к. критерии сего определения задаются рамками предмета, исследуемого той или иной отраслью общественности.

Так, в генеалогии и юриспруденции термин «поколение» (ср. латинское *generatio* «порождение») применяется в своем первоначальном смысле: он обозначает звено в цепи происхождения от общего предка. В этом значении термин «поколение» практически никак не связан с понятием «возраст»: если критерием, позволяющим причислять различных индивидов к одному и тому же поколению, считать принцип равной отдаленности (равное количество колен) от родоначальника, то представители одного поколения могут в возрастной стратификации находиться на расстоянии десятков лет друг от друга [1, с. 51].

В демографии поколение понимается как частный случай когорты. Когортой называется совокупность людей, одновременно переживших какое-либо демографическое событие: рождение, заключение брака, смену места жительства, призыв на военную службу и т.д. (Соответственно, различаются виды когорт: брачная, когорта мигрантов и др.). Когорта, именуемая в демографии поколением, – это совокупность людей, родившихся в один и тот же период времени (календарный год или несколько лет), т.е. совокупность людей близкого возраста, ровесников [2, с. 31].

Очевидно, социологическое понимание сущности поколения должно отличаться от любого из вышеописанных подходов. И тем не менее в социологии находит применение каждый из них,

а следовательно, концепт «поколение» трактуется в данной науке весьма неоднозначно.

Один подход – *генеалогический* – предполагает, что критерием для различения поколений служит степень родства и соотнесение с определенными семейными ролями; таким образом социологи условно выделяют поколение детей, родительское и прародительское поколения. Причем данный подход используется как при исследовании межпоколенных взаимодействий в семье (микроуровень), так и при изучении подобных взаимодействий на социетальном уровне. Однако в последнем случае, как полагают некоторые авторы, использование генеалогических критериев отличается неопределенностью. Так, непонятно, кого следует относить к базовому поколению «детей», относительно которых конструируется вся концепция (дети какого возраста?), каков временной разрыв между детьми и родителями: известно, например, что у отцов и матерей он может сильно различаться [3, с. 82]. Кроме того, ученые по-разному решают вопрос о ритме смены «отцов» «сыновьями», т.е. о «длине» поколения (для одних ученых это 10–15 лет, для других – 30) [4]. Здесь уместно вспомнить также и о том, что в разных типах обществ существенно различаются представления о продолжительности детства и возрасте наступления взрослости, о длительности детородного периода, о считающемся нормальным возрасте рождения первых детей и «последышей» и т.п.

Разумеется, в рамках конкретного исследования социолог, как правило, очерчивает, произвольно выбрав, возрастные границы того или иного «генеалогического поколения», но, строго говоря, в таком случае объектом изучения являются не поколения в социологическом

значении этого понятия, а *возрастные группы* (кластеры когорт). Исходя из этого генеалогическая трактовка понятия «поколение» в социологическом исследовании может быть применена исключительно к микросоциальной системе – семье. Нас же в данном случае интересуют поколения как большие социальные общности.

При другом подходе – *демографическом* – критерием, позволяющим вычленивать в обществе различные поколения, является возраст. Данный критерий – чисто биологический. Социологической, по словам К. Мангейма, проблема поколений становится тогда, когда проявляется социологическая значимость этого биологического фактора [5, с. 19].

Впрочем, понятно, что принадлежность к одной возрастной когорте порождает и сходство неких общественно важных черт. «Возрастной признак, – писал П.А. Сорокин, – причинно связан с рядом психосоциальных свойств индивида, оказывающих влияние на чувствования и верования, желания и стремления, идеи и интересы индивида, а через них – и на все его поведение, а через поведение – и на всю социальную жизнь» [6].

Так, возраст является основанием для занятия или оставления определенных социальных ролей, причем связь между возрастом и социальной ролью может быть как непосредственной (когда речь идет о возрастном цензе, знаменующем гражданское совершеннолетие или выход на пенсию), так и опосредованной (например, временем, необходимым для получения образования). Диапазон социальных ролей, доступных людям, принадлежащим к различным возрастным когортам, варьируется и качественно, и количественно: двадцатипятилетним, к примеру, доступно большее число занятий, чем восемнадцатилетним или старикам. Принадлежность к определенной возрастной когорте предполагает связанную с этим систему социально-психологических экспектаций (ожиданий) и санкций [7]. Возраст предписывает определенный набор и иерархию социальных проблем, специфический правовой, образовательный, политический и т.д. статус [1, с. 44–45], различия в размере и источниках доходов, разную для различных возрастных групп степень значимости двух систем трансфертов – семейной и государственной: для старших возрастных когорт большей значимостью обладает государственная система регулярных денежных выплат, представляющих собой обеспечение по старости, инвалидности, за выслугу лет и т.д., для молодежи – внутрисемейный переток соци-

ального и культурного капитала [8]. Возраст во многом предопределяет социальное самочувствие индивида. Так, К. Юнг, характеризую старческий возраст, отмечал, что ему свойственны усиление интровертности, самоанализ, самопознание и, кроме того, беспроблемное существование: старик, как и ребенок, представляет собой проблему для других [9]. Х. Ортега-и-Гассет писал, что старик, как и ребенок, не является участником исторического процесса, от него в общественной жизни ничего не зависит [10, с. 272]. Следовательно, и ребенок, и старик ощущают себя более свободными, нежели человек среднего возраста, в том смысле, что они освобождены от многих обязанностей и, значит, от ответственности.

Итак, возрастная близость действительно является социологически значимым фактором. Тем не менее следует признать, что исследователи, руководствующиеся при определении поколений демографическим критерием, изучают опять-таки не поколения, а *возрастные группы*, переживающие различные фазы жизненного цикла¹. В настоящее время в социологии выделяют следующие фазы и соответствующие им возрастные группы: дети, юношество, молодые взрослые, средний возраст, пожилые, старые [11, с. 19–20].

Однако быть членом какой-либо возрастной группы – не то же самое, что являться представителем поколения.

Во-первых, очевидно, что в течение жизни принадлежность индивида к возрастной группе неоднократно меняется, тогда как принадлежность индивида к поколению сохраняется пожизненно.

Во-вторых, возрастная группа (или совокупность нескольких близких возрастных когорт) имеет лишь потенциальную возможность составить поколение.

На это указывал еще К. Мангейм – основоположник социологического подхода к проблеме поколений. Он определял поколение как особый тип *общественного положения* некоторой совокупности индивидов внутри общественного целого. Это *общественное положение* «исключает целый ряд потенциально возможных видов мышления, жизненного опыта, чувств и поступков и ограничивает возможности самовыражения индивидуума совершенно определенными рамками», в то же время ему внутренне присуща «тенденция формирования специфического типа поведения, чувств и мышления» [5, с. 19].

Единство *общественного положения* представителей одного поколения предопределено

тем, что они родились примерно в одно и то же время и в дни своей юности испытывали влияние одних и тех же исторических событий. Однако само по себе *общественное положение* всего лишь обладает определенным потенциалом, который может быть подавлен или трансформирован и о реализации которого можно говорить только в том случае, если в данной возрастной группе вырабатывается новый «поколенческий стиль» или новая «энтелехия поколения». Под «энтелехией поколения» Мангейм понимает особое мирозерцание, собственную систему интерпретации окружающего мира и воздействия на него. По его мнению, чем стремительнее происходят социальные и культурные изменения, тем выше вероятность того, что люди, связанные единым *общественным положением* в иерархии поколений, реагируют на новую ситуацию развитием своей собственной «энтелехии». Из этого следует, что не у каждой возрастной когорты складывается свой «стиль». Так, в сообществах, где темп социальных изменений очень низок, новые когорты не отличаются от предыдущих собственной «энтелехией»². С другой стороны, Мангейм предполагает, что слишком высокий темп изменений может стать причиной разрушения зарождающихся «энтелехий» [там же, с. 27-34].

Таким образом, по мнению мыслителя, становление поколения имеет место лишь тогда, когда некая возрастная группа отвечает на значимые исторические события и изменения формированием собственной «энтелехии», а частоту возникновения новых поколенческих «энтелехий» (и, следовательно, собственно поколений) Мангейм связывает с темпом социальных изменений.

Аналогичные идеи высказывал и Х. Ортега-и-Гассет. Исходными признаками поколения он считал общность даты рождения и единство жизненного пространства, что, по его мнению, означает и общность судьбы. Исходная тождественность судеб порождает вторичные совпадения, образующие единство жизненного стиля поколения. Исследователь сравнивает поколение с караваном, в котором каждый отдельный индивид шествует, преданный поэтам-сверстникам, типу женщины, царившему во времена его юности, и даже особой походке, принятой тогда среди двадцатипятилетних. Порою мимо проходит другой караван – иное поколение. Возможно, праздник перемешает оба каравана, но, даже сойдясь, они четко разделены на две несовпадающие группы. Наличие особого стиля всегда позволяет индивиду рас-

познать членов своего поколения, «подобно тому как муравьи по запаху различают собратьев» [10, с. 262].

Подведем предварительный итог

- Несколько близких возрастных когорт, возрастная группа (или даже несколько возрастных групп) *могут* составить поколение.

- Атрибутивными свойствами поколенной общности, отличающими ее от возрастной группы, являются некое единство («стиль», «энтелехия») и осознание этого единства, т.е. самоидентификация индивидов, составляющих поколение, с этим поколением.

Если воспользоваться принятой в современной науке терминологией, думается, названные свойства можно обозначить с помощью понятия «габитус»³.

- Каждое поколение – продукт социально значимых событий и изменений. Качественное своеобразие поколенных общностей, их отличие друг от друга, формирование внутри этих общностей специфического габитуса определяются именно тем, что на раннюю социализацию различных поколений оказывали влияние *разные* исторические события и процессы⁴.

- «Длина» (и, следовательно, численность) поколения не является стандартной, она специфична для каждого поколения и определяется скоростью, с которой осуществляются социальные перемены. Например, в соответствии с типологией Ю.А. Левады, в российской истории XX века можно выделить шесть поколений: 1) поколение «революционного перелома» (1905–1930 гг.), оно представлено людьми, родившимися в 90-е гг. XIX в.; 2) поколение «сталинской мобилизационной системы» (1930 – 1941 гг.), это люди, родившиеся около 1910 г.; 3) поколение военного и непосредственно следующего за ним послевоенного периода (1941 – 1953 гг.), это те, кто родились в 1920 – 1928 гг.; 4) поколение «оттепели» (1953 – 1964 гг.), это лица 1929 – 1943 гг. рождения; 5) поколение «застоя» (1964 – 1985 гг.), это родившиеся в 1944 – 1968 гг.; 6) поколение «перестройки и реформ» (1985 – 1999 гг.), оно представлено теми, кто родились примерно с 1969 г. [12, с. 41-44]. Как мы видим, «длина», скажем, «военного» поколения составляет около девяти лет, а «длина» поколения «застоя» – около четверти века: это самое «длинное» и многочисленное поколение (оно фактически включает в себя представителей двух «генеалогических» поколений – родителей и детей).

Однако, по-видимому, облик поколения определяется не только событиями, переживаемыми его представителями в формативный пе-

риод, и не только скоростью социальных изменений, но и характером этих изменений.

Так, исследования В.В. Семеновой показывают, что поколение, названное ею «поколением переходного периода» (по ее мнению, это родившиеся в 1960-е – 1970-е гг.) успешнее, чем другие генерации, сумело адаптироваться к рыночным преобразованиям: по данным ВЦИОМ за 2000 – 2001 гг., среди тех, кто тогда имел наиболее высокие заработки, с большим отрывом (по сравнению с более старшими и младшими согражданами) лидировали представители именно этого поколения. Однако уже в начале 2000-х гг. генерацию отличал синдром раннего жизненного разочарования. Ее представители (которые и сейчас сравнительно молоды) не видят для себя целей и перспектив, ориентированы на прошлое. Для сравнения: предыдущее «доперестроечное поколение» (в типологии Левада – «застойное»), большая часть представителей которого уже достигла пенсионного возраста, обладает в целом более скромным материальным достатком, но при этом смотрит на жизнь с оптимизмом и ориентировано на будущее [11, с. 240–245].

Такую ситуацию В.В. Семенова объясняет тем, что нормативное биографическое развитие «поколения переходного периода» (такое развитие имело бы место в стабильном обществе) было нарушено глубокими и резкими социальными изменениями, которые генерация пережила в свой формативный период. Темпы прохождения биографического пути у людей, составляющих данное поколение, оказались существенно более быстрыми по сравнению с нормативными: в спокойном и стабильно развивающемся обществе пик благосостояния приходится на 50–60 лет. Возможности получения «быстрых денег», открывшиеся во времена резких социальных перемен, позволили этому поколению миновать период образовательной подготовки (оно, в целом, менее образованно, чем предыдущее), период длительного накопления профессиональных ресурсов и быстро занять открывшиеся социальные позиции. У данной генерации был «высокий жизненный старт», но быстрые достижения лишили ее больших ожиданий от будущего. Это и породило пессимистическое самоощущение поколения, представители которого, по-видимому, уже исчерпали свой социальный ресурс [там же, с. 245–246].

Итак, характер поколения, в числе прочего, обуславливается тем, в стабильном или трансформирующемся обществе происходит его становление, а также тем, насколько радикальны происходящие трансформации.

Существуют и другие факторы, предопределяющие специфику поколения.

К таковым выдающийся американский социолог Р. Инглетарт относит уровень материального благосостояния общества в целом. Исследователь сопоставил когорты, родившиеся в Европе и Америке до Второй мировой войны и после нее. При этом он опирался на идеи А. Маслоу о том, что если базовые материальные потребности человека удовлетворены, то он стремится к удовлетворению потребностей более высокого ранга, в том числе потребности в саморазвитии. Когорты, испытавшие на себе тяготы экономической депрессии и военного времени, Р. Инглетарт назвал *материалистическим* поколением, т.к. они реализовывали себя в удовлетворении, прежде всего, материальных потребностей. Между 1970 и 1988 гг., по его мнению, американцы и западноевропейцы сделали важные шаги в сторону *постматериализма*. «Постматериалисты», которые формировались в период относительного экономического благополучия и базовые потребности которых были в основном удовлетворены, ориентируются уже не на экономический рост, а на качество жизни: для них важны не столько обязательная занятость и высокие доходы, сколько интересная, осмысленная работа, осуществляющаяся в контакте с близкими по духу людьми; они стремятся к повышению, скорее, своего статуса, чем доходов [13].

Отчасти выводы Р. Инглетарта подтверждаются отечественными исследованиями. Например, согласно данным В.В. Семеновой, представители уже упоминавшегося нами «поколения переходного периода» (это когорты, родившиеся в относительно благополучные и спокойные 1960 – 1970 гг.), многие из которых сразу после начала рыночных преобразований открыли свой бизнес, в большинстве своем руководствовались при этом отнюдь не соображениями материальной выгоды, а стремлением к независимости, свободе, самостоятельности, творческой самореализации. Более молодые когорты, выросшие в эпоху нестабильности и перемен, демонстрируют более прагматическую мотивацию – материальный достаток [11, с. 147–149].

Однако имеются и другие эмпирические данные, которыми идея Инглетарта опровергается. Так, российское «военное» поколение, как и западное, формировалось в годы лишений и, следовательно, должно было бы соответствовать признакам «материалистического» поколения. Тем не менее таковым его назвать нельзя: изыскания Ю.А. Левады свидетельствуют о том, что в данной генерации отмечается наименьшая по

сравнению с другими отечественными поколениями доля тех, кто хотел бы получать радости от жизни (всего около 15%), тех, кто хотел бы жить «лучше других» (лишь около 5%), весьма незначителен (около 10) и процент тех, кто ориентирован на высокие доходы; с другой стороны, в этом поколении заметно меньше, чем в более молодых поколениях, доля тех, кто не читает книг [12, с. 49–50]. Иными словами, отечественное «военное» поколение по своим ценностным предпочтениям ближе к «постматериалистическому», нежели к «материалистическому», а значит, в формировании поколения экономические факторы играют заметную роль не сами по себе, а в соединении с духовными факторами, в том числе идеологическими.

В частности, в нашем «военном» поколении отмечается меньшее, чем в других российских поколениях (включая даже самую старшую из них – поколение «сталинизма»), число тех, кто считает, что Коммунистическая партия дискредитировала себя [там же, с. 47]. Представители «военного» поколения характеризуют себя как «коммунистов», «строителей коммунизма», «советских людей» с «коммунистической закалкой» и т.п. [11, с. 112]. По-видимому, данное поколение в большей степени, чем любое другое, привержено идеалам коммунизма.

Еще один знаменательный, на наш взгляд, факт. Большая часть представителей поколения «сталинизма» – свыше 50% (больше, чем в любой другой генерации) – дает положительный ответ на вопрос: «Считаете ли Вы себя свободным человеком?» [там же, с. 47–48]. Это вполне согласуется с описанными выше идеями Юнга и Ортеги-и-Гассета о старческом возрасте как возрасте свободы от ответственности. В «военном» же поколении доля тех, кто считает себя свободным человеком, напротив, ниже, чем в любом другом, – менее 30% [12, с. 47]. Если учесть, что представители названной генерации давно уже достигли возраста «безответственности», сопряженного с ощущением свободы, следует предположить, что в этом проявляется не возрастная специфика, а одна из характерных особенностей именно данного поколения, его габитус. Можно сказать, что «военное» поколение – наиболее «тоталитарное» из ныне живущих, что, по-видимому, обусловлено идеологической ситуацией военного и послевоенного времени, в которой формировалась эта генерация. По словам Ю.А. Левады, война упрощает и огрубляет все категории мировосприятия до противостояния «свои – враги», оправдывает насилие, неизбежность массовых жертв и, следовательно, служит идеальной почвой для

формирования тоталитарного сознания, идеологического единomyслия, культа «вождя» [там же, с. 55].

Идеологические факторы во многом определили характер и судьбу и следующего российского поколения – поколения «оттепели». Ю.А. Левада называет это поколение «переломным», т.к. ему довелось пережить общественный перелом конца 1960-х гг. как переоценку собственных ценностей: данная поколенческая группа сформировалась «в надеждах “оттепельных” лет», а в период «заморозков» (т.е. после 1964 г.) ей пришлось пересмотреть свои взгляды. В результате генерация выработала идею демократической альтернативы режиму, ростки либеральной и демократической оппозиции, в чем, по мнению исследователя, и состояла ее историческая миссия [там же, с. 54–55]. В этой связи стоит отметить, что поколение «оттепели» (или «шестидесятников») – поколение активных участников движения протеста против советской партийно-государственной системы. По данным В.М. Воронкова, среди тех, кто родился с 1931 по 1945 г., доля активистов движения протеста значительно выше, чем среди родившихся раньше или позже. Так, среди лиц 1926–1930 гг. рождения доля участников движения протеста составляла лишь 8,8% от их общей численности; среди родившихся в 1931 – 1935 гг. – уже 20%; среди родившихся в 1936 – 1940 гг. – 29,1%; среди родившихся в 1941 – 1945 гг. – 10,4% (если учесть низкую рождаемость в годы войны и, следовательно, малочисленность этой возрастной когорты, это очень высокий показатель). В последующих поколениях протестная активность неуклонно шла на спад: среди родившихся в 1946 – 1950 гг. доля участников протестного движения составляла 11,9% от их общей численности, среди родившихся с 1951 по 1955 год – 3,6%, среди родившихся после 1956 г. – 4,2% [14, с. 188]. Таким образом, более половины активистов протестного движения – представители рассматриваемого нами поколения.

В данном контексте важно упомянуть то обстоятельство, что более 70% «шестидесятников» – участников движения протеста – учились в вузах (правда, не всем удалось их закончить, т.к. за свою протестную деятельность многие оказались из вузов отчисленными) [там же, с. 189]. По-видимому, поэтому облик поколения определяется также и образовательным уровнем его представителей.

Об этом свидетельствует, например, и следующее. Ранее уже приводилось сравнение социального самочувствия двух российских поко-

лений – «поколения переходного периода» и поколения «застоя»: первое характеризуют пессимистический настрой и ориентация на прошлое, второе – оптимизм и ориентация на будущее. Представляется, что данное обстоятельство можно объяснить иначе, чем это было сделано выше, а именно: известно, что в начале 2000-х гг. большая часть «поколения переходного периода» имела лишь средне-специальное образование, в то время как большинство представителей поколения «застоя» имело высшее образование [11, с. 240–241]. По нашему мнению, именно более высокий образовательный уровень и позволяет старшей из названных генераций обнаруживать цели для своей дальнейшей активности и видеть перспективы.

Итак, мы убедились: специфика поколения обуславливается событиями, переживаемыми его представителями в формативный период, скоростью, характером и глубиной социальных трансформаций, уровнем социально-экономического развития общества, политико-идеологическими факторами, уровнем образования и т.д. Другими словами, *поколение формируется целой совокупностью социальных факторов*. Если некоторые из них могут быть сходными в различных странах и регионах мира, то вся их совокупность в целом является неповторимой, т.е. уникальной. Следовательно, *поколения как большие социальные общности являются продуктом конкретно-исторических условий и поэтому представляют собой мезоуровневые социальные образования*.

Примечания

1. *Фазы жизненного цикла* – качественно отличные периоды жизни индивидов и групп, обусловленные взрослением человека и сопровождающиеся изменением его роли и статуса [11, с. 19].

2. По сути, то же утверждает и М. Мид. «Постфигуративная культура, – пишет она, – это такая культура, где каждое изменение протекает настолько медленно и незаметно, что деды, держа в руках новорожденных внуков, не могут представить себе для них никакого иного будущего, отличного от их собственного прошлого. Прошлое взрослых оказывается будущим каждого нового поколения; прожитое ими – это схема будущего для их детей» [15]. Медленные и незаметные изменения, характерные для постфигуративной культуры, своим следствием имеют то, что одно демографическое поколение ничем не отличается от других.

3. *Габитус* – специфический склад, характерный для всех членов той или иной общности, который каждый из них несет в себе [16, с. 253]; он представляет собой систему устойчивых и переносимых диспозиций [17], т.е. предрасположенностей к опреде-

лённому восприятию событий и определённым образцам действий [18]; интегральную основу габитуса образует социальная идентичность, т.е. соотнесение индивидом себя с некой общностью, к которой он принадлежит («Я-Мы-идентичность») [16, с. 254].

4. Американские социологи Г. Шуман и Ж. Скотт подвергли эмпирической проверке вышеописанную идею К. Мангейма о том, что облик поколения формируется историческими событиями, пережитыми его представителями в юности. Исследование показало, что воспоминания о политических событиях и социальных изменениях структурированы по возрасту, и, действительно, юность и период ранней взрослости – главный период, когда в сознании запечатлеваются важные политические воспоминания, характерные для данного поколения. Наиболее значимыми историческими событиями люди считают именно те, которые переживались ими в возрасте от 17 до 25 лет; события, пережитые вне данных возрастных рамок, воспринимаются как менее важные. Исследование показало также, что факты, касающиеся развития науки (например, освоение космоса, изобретение компьютера) признаются значимыми в равной степени представителями разных поколений. Г. Шуман и Ж. Скотт высказали предположение, что данное обстоятельство может быть объяснено *неполитической* природой этих явлений [19].

Список литературы

1. Манько Ю.В., Оганян К.М. Социология молодежи: Учебное пособие. СПб., 2008.
2. Беляева Л.А. Социальный портрет возрастных когорт в постсоветской России // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 31–42.
3. Семёнова В.В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005. С. 80–107.
4. Нора П. Поколение как место памяти // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 54.
5. Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 7–47.
6. Сорокин П.А. Система социологии. М., 2008. С. 457.
7. Кон И.С. Возрастные категории в науках о человеке и обществе // Социологические исследования. 1978. № 3. С. 81.
8. Либиг Ш., Шеллер П. Справедливость в отношениях между поколениями: аналитические ориентиры и некоторые эмпирические выводы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. М., 2009. N 1. С. 111–112.
9. Юнг К. Проблемы души нашего времени. М., 1994.
10. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 2000.
11. Семёнова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М., 2009.
12. Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: поколенче-

ский анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005. С. 39–60.

13. Инглегарт Р. Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 253–254.

14. Воронков В.М. Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005. С. 168–200.

15. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М., 1998. С. 322.

16. Элиас Н. Общество индивидов. М., 2001.

17. Бурдьё П. Практический смысл. М., 2005. С. 102.

18. Социология: Учебник / Под ред. Д.В. Иванова. М., 2005. С. 70.

19. Шуман Г., Скотт Ж. Коллективная память поколений // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 47–60.

Generation as socio-cultural community

L.Y. Pushina

The article is concerned with the difference between «generation» and «age group» notions; it re-veals the specific features of generation as socio-cultural community. The generation is considered to be a social phenomenon of mezzo-level.

Keywords: generation, age group.